

на способах этой непрестанной борьбы.

В принципе способов два: силовой — разрушение, насаждение своих порядков, культуры, веры и так далее, и идеологический, то есть разрушение изнутри. Силевые попытки были, но явно провалились — Россия становилась только крепче. А вот попытки решительно повлиять на нашу культуру и наше мышление не прекращались никогда. При этом Запад применяет двойственную тактику — общение на высшем уровне и воспитание собственных народов и нашего. На это, по моему, первым, обратил внимание поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в статье «Россия и Германия», писанной по-французски в Мюнхене в 1844 году. Статья Тютчева ныне полубыта, вспоминается разве в связи с наследием великого поэта — а жаль! Размышления, на мой взгляд, совершенно не потеряли актуальности.

Тютчев отмечает: «...во два направления, вполне противоположных (разделение очевидно и возрастающе ежедневно): с одной стороны, у нас государство, правительство Германии, с их строгой обдуманной политикой, с их определённым направлением; с другой, этот второй владыка нашего времени — общественное мнение, которое склоняется туда, куда влекут его ветры и волны». И куда же? «То государство, которое великое поколение 1813 г. приветствовало с благодарным восторгом... удалось с помощью прилива, постоянно повторяемому настоящему поколению при его рождении, почти удалось, горюю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию, как на какого-то людоеда...».

Эта политика продолжается до сих пор и, надо признать, довольно успешно. На удочку попадаются и наши либералы и наши руководители. Разве Советский Союз развалился только из-за цен на нефть, низкой производительности труда и других экономических показателей? Оно то конечно, но не прежде ли всего потому, что Горбачёву удалось, низкой «дружеские» отношения с западными лидерами, похлопывания по плечу и одобрения типа «рус карашо»? А население так и продолжает относиться к нам как к дикарям.

Бог бы с ним, с Западом, пусть бы завлился, сочиняя о нас дикие мифы и легенды, не брезгая самым открытым враньём. Чем бы дитя (недаром Тютчев говорит о «возмужалых

умах» вернувшихся к «простодушному ребячеству») не тешили, лишь бы не воевало. Но ужас заключается в том, что это «ребячество» находит довольно многочисленных сторонников внутри России! Очень даже желающих покончить с непонятным им художественным языком, с нашими гениями и обратиться к западным «talantam». И вот — наконец! — «Русская литература умерла!». А ведь если наша умерла, то какая-то осталась? Какая?

Не будем обращаться к вековому противостоянию западников и славянофилов. Тема видимо никогда не исчерпается, если только запад не победит. В этом противостоянии, как мне кажется, ни те ни другие не стяжали себе особой славы. Западники поняли почему, а вот славянофилы... Обратить внимание ещё раз к статье Тютчева: «Что же касается... до так называемых защитников России, то они, конечно, искреннее, ... но они ужасно просто...». Фёдор Иванович считает: «Истинный защитник России — это история; ею в течении трёх столетий неустanno разрешаются в пользу России все испытания, которыми подвергает она свою таинственную судьбу».

В последней цитате очень примечательно не упоминание Запада — всем испытаниям Россия сама «подвергает свою таинственную судьбу». И я не склонен видеть в наших литературных и не только бедах, сложных и тяжёлых перипетиях нашего времени, «поиски Запада», искать «агентов влияния», «особенника» и тому подобное. Не лучше ль на себя оборотиться?

Давно пал «железный занавес», Россия не изолирована, границы открыты и мировые процессы глобализации не могут нас не затрагивать. Мы уже понимаем по-английски, привлекаем инвестиции, гранты и в какой-то степени интегрируемся в Европу. Но в том то и дело, что Европа не примет нас такими как мы есть, а только если мы станем такими как они и если с отличиями, то не больше чем французы от англичан. Разговор не об экономике — пусть интегрируется, глобализируется и, главное, поднимается до переводных; будем только приветствовать, — а об искусстве и, прежде всего, о литературе, ибо поэзия в основе всего. Можем ли мы пойти на глобализацию нашего искусства? Ответ на этот вопрос ох как не однозначен и требует глубоких размышлений. На любом пути мы что-то выигрываем и что-то проигрываем.

Не секрет, что наша литература уже неоднородна. Есть писатели обласканные на Западе и есть не слишком известные в своей собственной стране,

несмотря на довольно качественные тексты. Трудно смириться с тезисом о смерти русской литературы, но то, что она болна практически очевидно.

Трудно, очень трудно поставить диагноз нашей больной, ибо болезнь не одна. Но попытаемся хоть с чем-то определиться.

Прежде всего, пресловутое «сбрасывание Пушкина с парохода истории». Просто удивительно сколько «доброхотов», а вернее злыхотателей, муссируют эту тему. Мажутся грязью личность наших гениев, подвергают унижению великие тексты. Безапелляционно утверждается, что в пьесах Чехова ничего не происходит. Очень опасная тенденция, расшатывающая основы и традиции русской литературы. Практически разрешающая молодому поколению не только не читать классику, но и не стыдиться этого.

Очень тяжёлое положение складывается в нашей поэзии, атакуемой с разных сторон.

Борьба с поэзией ведётся со дня её появления противопоставлением прозы как вроде бы естественного языка. Слова, загнанные в определённый формальный порядок, у некоторых порождает, как у Штирлица, идиосинкразию к рифме. Отрицательно высказывались даже большие прозаики. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что писать и читать стихи также неестественно как приседать на каждом четвёртом шаге. При этом фаршированная голова или премудрый пескарь казались ему в литературе совершенно естественными.

Не будем вмешиваться в этот вековой спор. Тем более, что он носит несколько схоластический характер. И сам Салтыков-Щедрин писал стихи, прежде чем понять, что это не его. Но школу слова прошёл, и поэтика присутствует на его страницах. Обратимся ко дню сегодняшнему.

С одной стороны наша поэзия атакуется верлибром. Тут мы ещё раз отвлечёмся и попробуем почувствовать разницу между верлибром и русским свободным стихом. Конечно же, я хорошо понимаю, что верлибр в переводе и есть свободный стих, и чтобы избежать тавтологии снабдил определением «русский».

Русский свободный стих у нас всегда воспринимался как неотъемлемая часть всей поэзии, сохраняющей её достижения. По Лотману в белом стихе отсутствует рифма там, где она должна

быть, а в свободном стихе отсутствуют метр и рифма опять-таки там, где они должны быть. То есть русский свободный стих существует на фоне и в глубокой связи с рифмой. При этом выделительное чтение обнаружит в наших верлибрах и скрытый метр, и — главнее! — звук. Достаточно почитать Блока, или «Град на Первой Мещанской» Арсения Тарковского, или шедевр Михаила Кузмина «Александрия».

Верлибр же понимается как отрицание рифмованной поэзии, как нечто, существующее отдельно от неё. Другими словами отрицающее вековые традиции, как бы начинающее на голом месте. А в таком случае отсутствуют какие-либо обоснованные критерии оценки и восприятия. Хорошо или плохо? Решают сами верлибристы и критики. И, пожалуй, главное, — а кто так не умеет? Особого таланта вроде не требуется, разве только наглость и умение толкаться локтями. Верлибр прекрасно переводится на любые иностранные языки и Западом очень даже одобряется.

Но верлибристские наскоки, я думаю, русская поэзия выдержит, уж больно прочна её основа.

Более серьёзная опасность — так называемые «пародии», навывавшие ещё в шестидесятые годы. Телевизионно-эстрадные номера, вышучивающие неудачные, или показавшиеся таковыми, строчки неизвестных стихов и никакого отношения к собственно пародии не имеющие. Зачинатель этого жанра Александр Иванов, весьма, кстати, остроумный эстражник, придумал «пародию с эпиграфом». Чтобы читателю было понятно, что вышучивается, ибо стихи, как правило, неизвестны. Но пародироваться должны, прежде всего, стиль поэта, образность, звучание. И, в общем-то, пародия не обязательно должна быть смешна, хотя комизм, конечно, усиливает эффект. Великая школа русской пародии развивала именно этот путь и достигла немалых успехов. Вот, например (Б. Кежун):

Спит Земля и силы копит
чтобы были у неё.
Спит различное млекопитающее
зверьё.

Читатель мгновенно узнавал стиль Николая Заболоцкого, который пародист довёл до гротеска с целью обозначения его пределов. И никакие эпиграфы не требовались — знаменитое стихотворение знали все.

Для того чтобы пародировать стиль он должен быть. Как некий шаг в литературном процессе. Как же можно

пародировать то, чего нет. Можно только смеяться...

Я был бы совершенно не против этих, порой очень остроумных шуток. Опасность заключается в том, что читатель привыкает смеяться над стихами, которые не читал. А это перекидывается на отношение ко всей поэзии. Это тоже инструмент глобализма, ибо умерщвление русской поэзии его цель.

Но и «пародии» и насмешки русская поэзия, думаю, тоже выдержит.

Главная опасность идёт со стороны огромного и жуткого, практически не контролируемого потока стихотворного, и уже не только, любительского и графоманства, грозящего просто смыть поэзию. Слом советской системы открыл свободу печати и за свой счёт или спонсором появилось море печатной продукции массового читателя не имеющего, но заполняющего библиотеки, различные «литературные» объединения, кружки и тому подобное.

Да, советская печать была в тисках цензуры, литования и прочих рогаек на пути к читателю, и пробиться могли не слишком многие. И, слава Богу, что эта система канула. Но кроме идеологической цензуры была и негласная цензура самих писателей — мастерства. То есть планка была поднята достаточно высоко и ниже которой не опускались. Вот исчезновение этой «цензуры» просто беда.

Замечательный поэт Андрей Вознесенский в очень давней статье в «Литературной газете» насчитал в Советском Союзе что-то около миллиона любителей поэзии. Думаю, что поэт немного преувеличил, но имел в виду любящих и умеющих читать. Сегодня же миллион, если не больше, любителей писать. При этом очень не многих из них можно назвать любителями поэзии. Вдруг оказалось, что писать значительно легче, чем читать. В конце концов, на поверхностный взгляд техника стихосложения не слишком сложна и доступна каждому грамотному человеку. А поскольку формальное объединение строчек всегда порождает дополнительный смысл, восхищению собой нет предела. «Вот стоит стол, он опирается на пол...» — нет, ну как я сказал! Какая основательность! И пишут, и пишут, и пишут... И печатаются.

И. Бродский говорил, что должен знать всю мировую поэзию, чтобы хотя бы не повторяться. Слова Бродского не следует понимать буквально, то есть прочитать всё. Именно мировой поэзии не так уж и много и её обязан постигнуть тот, кто посвящает себя свя-

щеннодействию. Должен же стихотворец знать и понимать, что до него были Данте, Шекспир, Пушкин, Блок, Пастернак, Есенин. И что он просто обязан найти, пусть и неширокий, пусть совсем узенький, но свой путь, открыть себя.

К сожалению графоманство поощряют и литературные начальники. Несколько лет назад в каком-то телевизионном ток-шоу один редактор «толстого» журнала заявил: «В русской литературе сейчас около 15000 хороших поэтов. И каждый год появляются по шутку триста новых» («шутку» я добавил от себя). Но что такое «хороший поэт» не пояснил. Видимо не делающий грамматических ошибок и умеющий считать слоги.

Очень хотелось бы спросить у этого редактора — может ли быть собрание огромного количества редкостей? Поэт редчайшее явление, в чём нас убеждает собственная и мировая история и потому так ценно это звание. Ещё Платон писал: «Поэт — существо лёгкое, крылатое и священное; и он может творить только тогда, когда сделается вдохновенным и испуганным, и не будет в нём более рассудка...». Многие ли обладают этими качествами? А когда стихи не пишет только ленивый, а может быть именно ленивый и пишет от нечего делать, то и читатели, и критики перестают отличать ничтожное от великого. Недаром подборки стихов называют братской молгой.

Этот чудовищный поток пред ставляет серьёзную опасность и не стоит его недооценивать.

Можно разобрать ещё множество симптомов болезни нашей литературы, но достаточно. Вернёмся к главному вопросу — так допускать глобализацию в нашу литературу или охранять её?

Боюсь, что от нашего с вами мнения мало что зависит. Жизнь бурлит и стремительно куда-то движется. Или катится. Остаётся уповать на слова Тютчева, что «Истинный защитник России — это история». Но историю творим мы сами и каждый должен сделать свой выбор. Лично я свой выбор сделал давно. Я люблю русскую литературу, мне дороги её традиции и достигнутый ею высочайший уровень. И думаю, что я не одинок. И никакая глобализация нас не переубедит. В конце концов, лет восемьдесят-полтора до полной победы ноосферы ещё есть. Русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нём лирой побуждала. Сейчас, как мне кажется, она поворачивает на путь от человека, побуждая совсем другие чувства. Может быть временно?

Что значит - все начать сначала. Я не успела крикнуть "бис" - А голос твой взметнулся вверх.

Я не успела крикнуть "браво". Что значит - все начать сначала. Как жаль, что я была далеко, Когда твое сомкнулось око...

Я не успела крикнуть "браво"... Ты не начнешь уже сначала...

(Написано после спектакля театра им. Моссовета "Эдит Пиаф")

Как радостно дрова горят
Любови в камине или в сердце
И угли красные дымят
Души, рожденной инверцером.

Я не могу понять себя,
Я не могу тебе поверить,
Как можно так играть шутя,
Как власть любовью можно мерить?..

(Написано после спектакля Театра Армии "Ваша сестра и пленница")

В моей душе - восторг и покаяние.
Закройте зеркала - они все врут.
Зачем просить жестоких покаяний?
Ведь все равно не подадут!

Я не держу зеркал - они бестактны:
Без спросу продадут за грош,
И спугают мои все карты,
Но их ничем не проведешь.

Ни гримом лживым, ни бахвальством,
Все вынут изнутри.
Бежим от них трусливым зайцем -
Дорога коротка...

(Написано после спектакля театра им. Евг. Вахтангова "Лев зимой")

ТУМАННЫЙ ПЕТЕРБУРГ

I.
В узком проеме черная статуя
В дынной завесе смущает народ.
Дождь морсит и музыка невнятная...
Сквозь темноту, слышу, кто-то идет...

Ветер теснит к берегам непокорную
Воду в объятиях псамурных дней.
В делях туманных: гудки пароходные,
Машут "руками" лучи фонарей.

II.
Смотрится город в усталость Невы.
Волны играют его отраженьем.
Град горделивый не любит молвы
С высокомерным пренебреженьем.

Город холодный северных грез:
Песни его так надзвездно-печальны.
Выше пустых и сомнительных слез,
Низкое небо хранит его тайны.

III.
Маска за маской вершит свой полог.
Хочется спрятаться в нем и забиться...
Но карнавалный неясен исход.
Как все похоже в кружины лица...

(Написано после спектакля театра им. Н.В. Гоголя "Петербург")

"РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ" ТЕАТРА В РОССИИ ИЛИ КРИЗИС РОССИЙСКОГО ТЕАТРА

Сразу хочу объяснить двойное название моей статьи. Сначала хотела назвать просто и незамысловато «Кризис русского театра». Но слово «кризис» не поддается ни одной формуле, он только бывает экономический, политический, экологический, финансовый и тому подобные...

А положение в российском театре таково, что по-новому не могут, а по-старому не хотят. Но систему К.С. Станиславского еще никто не отменял. Некоторые режиссеры современного российского театра рискуют выдвигать лозунг своего творчества (боюсь говорить театра! — Т.Е.): вперед от Станиславского! Причем, в своих театрах вешают фотографии яковы своих кумиров: В.И. Немировича-Данченко, С.М. Михозьса, А.Я. Таирова, О.Н. Ефремова, А.В. Эфроса, Ю.П. Любимова и т.д. Но ведь платформой вышеуказанных режиссеров была именно система Станиславского. Она потому и жива, что постоянно в развитии. Вот этого понять современные режиссеры никак не хотят и потому ввергают в пустоту и мрак театры, где работают. Названия спектаклей этих театров обязательно отражают «смерть», «страх», «убийство», «падение», всё самое мерзкое и гадкое. Хочется крикнуть: зачем, что дают нам ваши спектакли? Ведь театр призван поднимать до себя, а не опускаться ниже плантуса. А сейчас почти каждый третий спектакль укладывается в формулу секс-рок-страх. Уже о психологическом театре, которым всегда славилась Россия, нет и речи.

Помню, когда я читала воспоминания Анатолия Эфроса, меня поразило, что из поездки по Америке самым сильным впечатлением было лицо негра из короткометражного фильма. За одну минуту его появления на экране можно было увидеть всю биографию его героя, всю тяжесть его переживания. И не было здесь ни пресловутой маски, ни мнимой театральности... Актер жил на экране. Вот это и запомнилось режиссеру, а не весь антураж вокруг артиста.

Всем известно, что мюзикл — это «конек» американского музыкального театра. К этому располагает и актерские данные американских артистов. Сама природа мюзикла заложена в американской культуре.

Российский же культуре безусловно ближе жанр оперетты. Но так уж повелось на Руси, что мы со времен царствования Петра I все время оглядываемся на запад и все чаще смотрим на заокеанские дали...

Ничего хорошего из таких «заглядываний» не выходит. Один мюзикл получить, другой, следующий за ним, напоминает предыдущий или просто откровенно слабый. Выходишь после такого спектакля и напеваешь мелодию из старого мюзикла, так как из нового ничего не запоминается. Даже порой возникает чувство: «Где-то я это слышала...».

Более того, принцип декораций тот же, да и декорации те же, только трансформированные под новый сюжет.

С грустью я пишу о таких спектаклях. И хочется вспомнить реплику Шмаги

из пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые», сказанную в адрес изменившегося Незнамова: «Нам надо было тянуть свою линию, а он философствовал...».

Года два назад в театре оперетты поставили «Цезарь и Клеопатра». В принципе спектакль хороший: замечательные голоса, хорошее исполнение, соответствующие декорации. Но вот с жанром режиссер «не успел» определиться: то ли мюзикл, то ли оперетта. Словом, немного того, немного этого, некий «корольский бутерброд» или «винегрет» (что кому нравится).

В последнее время почему-то стало модно даже произведения классиков ставить с какой-то «червоточинкой», с каким перевернутым и только одному режиссеру ведомым отношением к произведению. Так было с «Гамлетом» в МХТ им. А.П.Чехова, где Клавдий, извините, с растегнутой ширинкой пытается поймать Гертруду, которая бегаёт от него в ночной рубашке. Или взять «Гамлета» режиссера Леонида Трушкина, где Клавдий почему-то убивает сам себя отравленной рапирой. Я уже не говорю о бесчисленных постановках чеховской «Чайки». То ее ставят с элементами откровенной эротики, то совершенно «блестяще», неинтересно. А порой делают акцент только на мистическом инсценировке Треплева. Но зачем эти досужие домыслы? Чехов всё уже сказал своей гениальной пьесой. И сейчас «Чайка», как никогда актуальна, и сейчас вопросы, поставленные великим писателем, остро стоят перед нами... Так зачем что-то выдумывать, додумывать, перевертывать, когда есть А.П.Чехов и К.С.Станиславский?! Творите, господа режиссеры! И вам будет аплодировать весь мир!

Должна отметить, что провинциальные театры очень бережно относятся к таким постановкам. Возьму для примера Тверской академический театр драмы. Они привозили в Москву спектакль «Вишневый сад». Спектакль поставлен в старых добрых традициях без напуска, фальши наигрыша и других атрибутов, присущих современным постановкам. А сцена буквально дышит атмосферой чеховских времен. Зритель отдыхает душой на таких постановках и заряжается светлой энергией. Так почему надо бежать от этого в какой-то мрак, непонимание, густой туман недосказанности?..

Положение в театре также влияет на мифозрение и на отношение к театру зрителя. Уже никто не считает поход в театр чем-то особенным (кроме, конечно, старшего поколения!). Приходят в театр в джинсах, в повседневной одежде. В театре практически не встретишь женщины, одетой в вечернее платье или как выражаются старожилы в платье «в пол».

Только в Малом театре всё осталось по-прежнему. Только туда можно идти без задней мысли: «Что-то я сейчас вижу...». В Малый театр всегда идешь, как на праздник, окунаешься с головой в атмосферу произведения А.Н.Островского, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, А.М.Горького... И честно скажу — «выныривать» не хочется.

А напоследок хочу рассказать о спектакле, поставленном Юрием Ереминым

в театре имени Моссовета «P.P.P.» по роману Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». На спектакль меня пригласила актриса Нина Ивановна Дробышева, играющая роль Катерины Ивановны Мармеладовой

Когда я вошла в зал, то обратила внимание на разношерстность публики. Половина зала была школьники, которые вели себя очень достойно и не издали ни звука в течение всего спектакля. Вторая же половина была завсегдагатаи театра имени Моссовета. Я всегда обращаю внимание на оформление спектакля. Оно во многом определяет атмосферу и ход постановки. В декорациях вроде бы не было ничего особенного:

Мост через всю сцену — некая подвижная конструкция, играющая со собственным мостом, то набережную Невы, то Петербургские трущобы. Сцена, естественно была погружена во мрак. Но вот одна деталь обратила на себя мое внимание. Это перила. На первый взгляд они выполнены просто ажурно. Но присмотревшись пристальнее, замечаешь, что эти узоры напоминают окна, окна трущоб, в которых жили в основном слушатели присутственных мест, люди, которые не в состоянии платить за более приличное жилье.

Спектакль поставлен по всем канонам театрального искусства. Актеры играют поразительно, с полной отдачей, уйдя с головой в сложный мир произведения Ф.М.Достоевского. Они словно соскучились по чему-то настоящему, не ополшиному циничной мишурой современного мира.

А зритель платит им взаимностью, бисюруя каждый спектакль. Побольше бы таких спектаклей и мир преобразится. Недаром Ф.М. Достоевский сказал: «Красота спасет мир».

ОТЗЫВ НА СПЕКТАКЛЬ

То ли театр, то ли нет,
То ли спектакль, то ли бред.
То смеюсь я, то рыдаю.
Только чувства нет как нет

Влево, вправо я гляжу,
И покой не нахожу
Еще час сидеть на стуле.
Смотреть грази этой бую.

Все пытаюсь найти мысль -
В этом действии, где жизнь
вся показана с изнанки,
И воротит, словно с пынки...

Но играют хорошо.
Придираться к ним грешно.
Ещё жанр бы обозначить.
Вот какая незадача...

Я спектакль посмотрела.
С интересом отсидела.
Израфинённую мораль
Не пойму я. Право, жаль...

(Написано после спектакля Гоголь-центра «Елка у Ивановых»)

Евгения ТОКАРЕВА,
член СП России, член Академии
Российской литературы
"Московский Парнас"